

ЗИНАИДА ГИППИУС

О МОЛОДЫХ И
СРЕДНИХ

Зинаида Гиппиус

О молодых и средних

«Public Domain»

1924

Гиппиус З. Н.

О молодых и средних / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1924

«Наши деды не так уж были глупы, когда при всяком удобном (и даже неудобном) случае пили за „Истину, Добро и Красоту“. Избитая триада! Правда, кто не избивал ее? Избивали, забывали, вспоминали, чтобы снова избивать; в результате – болят руки у избивателей, а триада стоит себе, нерушимая и, главное, неделимая; и по-прежнему только к ней влечется воля человеческая...»

© Гиппиус З. Н., 1924

© Public Domain, 1924

Содержание

I	5
II	6
III	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Зинаида Гиппиус

О молодых и средних

I

Наши деды не так уж были глупы, когда при всяком удобном (и даже неудобном) случае пили за «Истину, Добро и Красоту».

Избитая триада! Правда, кто не избивал ее? Избивали, забывали, вспоминали, чтобы снова избивать; в результате – болят руки у избивателей, а триада стоит себе, нерушимая и, главное, неделимая; и по-прежнему только к ней влечется воля человеческая.

Триада нераздельна, однако Истина – Добро – Красота (будем уж держаться этой терминологии, хотя в разные слова облакало ее человечество) – отнюдь не слиты, отнюдь не одно и то же. Неделимость их в том, что нельзя взять одно из трех понятий и, углубив его, не дойти до двух других.

Неразрывность слишком ясная: можем ли мы себе представить, что кто-нибудь желает Истины... безобразной и ложной? Или уродливого, лживого Добра? Или злобной и фальшивой Красоты? Сказать это можно по капризу, по озорству (и говорили, когда увлекались Ницше), но пожелать действительно – противно природе человеческой.

Однако в многосложной и многообразной плоскости относительной эта абсолютная, триада – некий равнобедренный треугольник – отражается расстроено. Мы привыкли к этому обыденному делению, да ничего безнадежного тут и нет: ведь за какой уголок треугольника ни схватиться (только по-настоящему), вытянешь-то все равно его весь.

Проще говоря: под каким углом зрения мы данное явление ни рассматриваем – судимым оно оказывается как в трех измерениях, так и во всех трех планах.

Поэтому мне, в сущности, безразлично, с какого угла начинать. Пишу ли я о Добре – я тем самым говорю и об Истине, и о Красоте. Пишу ли о Красоте – разумею Красоту истинную, то есть добрую. (Недаром Сологуб, в самые «демонические» времена, сказал, осмелился сказать: «Красота и Нравственность (Добро) – это две сестры: одну обижают – другая плачет».) Нет областей, по которым не пролегали бы эти три пути, и это дает мне свободу, «которую уже никто не отнимет у меня», а также и свободу выбора. Если я сейчас выбираю угол Красоты, то даже не потому, что говорю об искусстве. Или, во всяком случае, не только потому. Но слишком помрачены в сознании человеческом Истина и Добро – Красота как будто меньше. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что прекрасное понятнее; или думают, что оно понятнее, – но и это важно.

II

Мне ставили в упрек, что в предыдущей записи я говорил только о корифеях нашей литературы. И только об эмиграции. Неясно упрекали не то в предпочтении старых писателей – старым же, но оставшимся в России: не то в сознательном обходе новой, молодой, послереволюционной литературы.

Слишком просто было бы ответить, что о корифеях стоит поговорить, и не виноват же я, что они эмигранты. Это ведь прежде всего факт.

Но, конечно, для меня дело голыми фактами не исчерпывается. И я хочу расшифровать неясные упреки и вопросы, свести сущность их к одному главному вопросу, очень мучительно, очень искреннему у искренних и объективно важному.

Формулирую его так: «Каково поступательное движение и развитие нашей русской литературы за годы революции, *если оно есть?*»

Центр тяжести спора – в последней части вопроса: есть или нет? За каждым из этих утверждений лежит длинная психологическая цепь других, соответственных утверждений: но мы не будем этого касаться хотя бы потому, что всякий утверждающий, говорит ли он «да» или «нет» – не прав: как раз *утверждать* тут нельзя ничего.

Я и не утверждаю. Но я думаю, я боюсь, что развития русской литературы *нет*; что течение ее за последние годы приостановилось. Доказать я это не могу, как не могут, впрочем, ничего доказать и мои противники; но рассказать, почему я так думаю, показать, отчего этого боюсь и чем в страхе утешаюсь, может быть, следует.

Заранее отвожу от себя упрек в субъективности. Если это недостаток – кто от него свободен?

III

Мне пришлось видеть близко целый кусок истории литературы, наблюдать смену течений, очень у нас быструю, но вначале правильную.

Если брать общо, то можно заметить один закон для всех литератур всех времен: период более или менее реалистический – сменяется периодом романтизма; и этот, в свою очередь, новым, опять реалистическим.

Наша литература (и наше искусство! при всей своей молодости, имела те же смены, вначале трудно уследимые. Гораздо ярче смена 90-х годов. Наивный реализм изжил себя, довел литературу до упадка и кончился, уступив место победоносному шествию неоромантизма. (Напоминаю, что говорю об общей линии; и не об отдельных писателях, но о плеядах.)

Русская литература никогда не шла вне жизни; а чем дальше – тем все больше испытывала она на себе влияние общих условий. Темп ее движения ускорялся в связи с темпом развития событий, иногда перегонял их. И период романтики не успел нормально завершиться, как уже влилось в это течение следующее, опять реалистическое. Смешение получилось довольно чудовищное: гиперболический и *утопический* реализм. В нем, отображенно, были уже все элементы большевизма.

Перед самой войной и в годы войны я имел возможность особенно близко следить за молодой литературой. Из доброй сотни молодежи, от 14 до 26 лет, посещавших частное общество «П. и П.» (поэтов и прозаиков), две трети, по крайней мере, уже были захвачены потомком этого «утопического реализма» или клонили к нему. Талантливые и бездарные, разделялись они не по признаку таланта, а как раз по тяготению или отталкиванию от «нового» – и тогда уродливо-смешанного течения.

Кстати о «таланте», этом современном божке. За талант, говорят, все прощается! За талант ли? Может быть, за «прекрасное», созданное талантливым человеком?

«Прекрасное» редко, а талантов... гораздо больше, чем мы думаем. Таланты на каждом шагу. Талант – некое имение; получить его по воле нельзя, но, получив, разорить, опозорить, во зло обратить – сколько угодно. Это чаще всего и происходит. Прекрасное же редко потому, что не талантом оно создается и не человеком, а какой-то их таинственной *сцепкой*, да еще качеством *воли* человека, талант имеющего. Когда, не понимая процесса творчества, обособляют и обожествляют «талант», право, хочется встать на защиту *искусства* от *бесчеловечья*.

Но возвратимся к пребольшевистской литературной молодежи.

Когда пришел настоящий большевизм, он наделся на них, как перчатка на руку. Плотно и крепко. Утопический реализм (литературный I нашел свои берега, вернее – свое безбережье.

Таланты остались талантами. Но талант начали употреблять на схватыванье и передачу видимого, на извлечение из видимого черт наиболее кошмарных и на обработку их в сверхкошмар, в сверхбезобразии. Это «сверх» обыкновенно не удается, и мы получаем только цепь бесполезно уродливых описаний. Например, описывать физические отправления стало считаться самым щегольским «реализмом».

Талантлив ли Есенин? Конечно. Я его знал до всякой революции, видел еще обожающим последнего романтика – Блока. И тогда Есенин был сосуд, готовый к приятию росы большевизма. Каково же прекрасное, созданное этим талантом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.